

Шоколад помогал ему при эмоциональных колебаниях вернуть самообладание.

После того, как академический бог произнёс эти слова, все учащиеся — от тех, кто устроился на крыше, до тех, кто залез на деревья или остался земле, — не проронили ни звука. Они все смотрели на него, как будто информация ещё доходила до них. Но эта спокойная и застывшая атмосфера продержалась недолго — Коу Чэнь громко свистнул, засунув пальцы в рот, затем крикнул: «Красава!!!».

Когда он захлопал в ладоши, публика последовала за ним и зааплодировала. Волнами вздымались и опускались ободряющие крики и гиканье. Хо Жань аплодировал, глядя на академического бога, который держал голову опущенной и о чём-то думал.

— Это было неожиданно, — изумился Вэй Чаожэнь, бурно аплодируя. — Выпускной класс, и тут вдруг решился рассказать! Это было не просто смело, это было пиздец как смело! Красава!

Хо Жань посмотрел в сторону учителей — многие из них аплодировали, а некоторые о чём-то переговаривались друг с другом. Слова парня повергли в шок не только учеников, но и их.

Хо Жань вдруг вспомнил о том однокласснике Коу Чэня, парне, который, даже встав на колени, не смог уговорить учителя отпустить ситуацию...

Он перевёл взгляд на Коу Чэня. Тот без всякого выражения на лице смотрел на академического бога на крыше и продолжал громко хлопать. Его прорвавшие тишину свист и выкрик «Красава» опередили чью бы то ни было реакцию. Причиной был не просто его характер — он боялся, что послышатся другие голоса. Коу Чэнь первым выскочил выразить свою поддержку, чтобы подавить ещё не прозвучавшее глумление и голоса непонимания. По крайней мере, в данный момент академический бог видел перед собой дружескую терпимость и поддержку.

Когда аплодисменты и крики вокруг него медленно утихли, академический бог снова поднял голову. Его спокойный голос на самую малость наполнился эмоциями.

— Спасибо вам. Спасибо тем, кто аплодирует, и спасибо тем, кто вынужден аплодировать. Я не жду, что все меня поймут и поддержат, просто не оскорбляйте меня в лицо. — Он улыбнулся.
— А если всё же оскорбите в лицо, я дам отпор. Спасибо.

Закончив исповедь, академический бог повернулся и ушёл. Аплодисменты разразились вновь.

У перил стояла следующая выступающая, и предыдущая волна аплодисментов ещё не полностью затихла. Но выступающей была У Сяочэнь, и аплодисменты 1-й группы сразу же возобновились для неё.

— Спасибо! Я тут немного ukrала аплодисменты у старшего, — крикнула У Сяочэнь с улыбкой.
— Прозвучавшее сейчас признание так потрясло меня, что я даже и не знаю, что высказать мне...

— Тогда уступи очередь Цзян Лэю! — с задором крикнул Сюй Чуань.

Все засмеялись, а Цзян Лэй, стоящий в углу крыши, бросился к перилам, указал на Сюй Чуаня издали и безмолвно выругался, шевеля губами: «Иди на хуй».

Хо Жань посмеивался вместе со всеми и снова повернулся, чтобы посмотреть на Коу Чэня, который улыбался, но как-то рассеянно, с пустотой и задумчивостью в глазах. Видимо, вспомнил того одноклассника. Хо Жань протянул руку и с нажимом погладил его по спине, но неожиданно для себя тоже впал в тяжёлые думы. Сам он этого не заметил, просто погрузился в размышления о том, что Коу Чэнь отстранён, и только когда Цзян Лэй встал у перил, он

внезапно понял, что не услышал ничего из сказанного У Сяочэнь на крыше. В его голове эхом раздавался голос академического бога.

Когда он пришёл в себя, то почувствовал, как в груди бешено колотится сердце и гудит в ушах. Аплодисменты и крики гулко раздавались на фоне, как если бы он слышал их, укутанный с головой в несколько одеял.

— Запишите это на видео! — словно издали сказал Вэй Чаожэнь. — Хо Жань, сними Цзян Лэя, а то хочется орать, и я боюсь, что камера будет дрожать во время записи!

— М? — растерянно отозвался Хо Жань, прежде чем отреагировать: — А, сейчас!

— Давайте я. — Коу Чэнь достал телефон и открыл камеру, затем направил его на Цзян Лэя на крыше. — Он не может встать прямо? Вообще не к кадру.

Только когда Коу Чэнь заговорил, Хо Жаня как будто подняли со дна водоёма. Все звуки вокруг резко хлынули наружу отчётливым, но запутанным потоком.

— Я Цзян Лэй, второгодка из первой группы гуманитариев, — взревел Цзян Лэй.

— Цзян Лэй, встань ровнее! — сложив ладони рупором, закричал Ху И.

— ...Ага. — Цзян Лэй на долю секунды заколебался и выпрямился. Публика рассмеялась. Он стоял неподвижно и оглядывался вокруг в поисках Лу Хуань, а заметив её, поднял голову и

крикнул в небо: — Второгодка из третьей группы гуманитариев, Лу Хуань!

Учащиеся 1-й и 3-й группы гуманитариев ответили ему радостным хором. Цзян Лэй, всё ещё робея, улыбнулся, перевёл дыхание и продолжил:

— Я хочу сказать — я безумно счастлив, что познакомился с тобой! Ты самая добрая и чуткая девушка, которую я когда-либо встречал! С очаровательным характером! И самой красивой улыбкой! Ты непревзойдённая!

Все смеялись и аплодировали.

— Ты словно воздух под ясным небом после дождя, чудесная и свежая! — продолжал кричать Цзян Лэй.

— ...Кто научил его этим словам? — Ошарашенный Сюй Чуань глянул на Коу Чэня: — Не ты ли?

— Нет! Он сам недавно размышлял об этом. Пусть раздвигает границы своих возможностей, это нормально.

Хо Жань посмотрел на Лу Хуань, которая стояла под деревом и смеялась, закрыв лицо, и с лёгкой меланхолией подумал об этой безответной любви... Сколько же мужества потребовалось тому одарённому ученику, чтобы подняться на крышу и открыться всем? Он может признаться в этом всем, но человеку, который ему нравится, — никогда, ведь это совсем разные вещи.

— Может быть, после выпуска из школы мы разойдёмся своими дорогами и никогда больше не увидимся, — орал Цзян Лэй в небо, — но в моей памяти навсегда останешься восемнадцатилетняя ты с красивейшей улыбкой!

— Годно! — Коу Чэнь щёлкнул пальцами и отправил записанное видео в чат.

Смех и крики одобрения с аплодисментами не умолкали.

Коу Чэнь положил телефон обратно в карман и вытянул ноги.

— Я в туалет отлучусь.

— Угу, — кивнул Сюй Чуань и достал свою карточку: — Мимо буфета будешь проходить, купи попить. Всем за мой счёт.

— Ладно. — Коу Чэнь взял карточку, встал и пошёл к лестнице.

Хо Жань оглянулся и спустя две секунды нерешительности встал и последовал за ним вниз.

Коу Чэнь, который обожал всех угощать, загрустит и побурчит, даже если согласится есть за чужой счёт, но сегодня он согласился без трепыханий. Это было подозрительно. Да ещё и пошёл в туалет один, не позвав Хо Жаня... Хотя это выглядело немного странно, что бы Коу Чэнь ни собирался делать, он всегда тащил его за собой. А сейчас он, наверное, был в дурном настроении.

Хо Жань держался на расстоянии. Из-за людей вокруг неудобно было разговаривать, и пока они не оказались достаточно далеко от Дворца спорта, где никого не было, он побежал вперёд и догнал Коу Чэня.

— А-ай, — Коу Чэнь повернул к нему голову, — ты здесь откуда? Напугал меня.

— ...Ты в порядке? — спросил Хо Жань прямо, не ходя вокруг да около.

— Да. — Коу Чэнь направился не в сторону туалетов, а к концу учебных корпусов. — Я просто... подумал о том однокласснике, про которого тебе рассказывал.

Догадки Хо Жаня оправдались. Он ничего не сказал и пошёл вместе с ним. Молча дойдя до каменного забора сбоку от учебного корпуса, до угла, куда почти никто не заглядывает, разве что во время генеральной уборки, Коу Чэнь остановился, прислонился к стене и достал из кармана пачку сигарет.

— Закуришь? — спросил он, зажав сигарету в зубах.

— Не.

— Вообще, я и сам не хочу щас курить. — Коу Чэнь зажёл сигарету, зажал её между пальцами и посмотрел на струйки голубого дыма. — Просто подумал, что соответствует атмосфере.

Хо Жань улыбнулся:

— Какой атмосфере?

— Я сейчас не на шутку взбудоражен и не понимаю, что происходит, из-за чего тут вообще волноваться? Я же, блять, не поднимался на крышу и ничего не говорил оттуда. — Коу Чэнь протянул руку, держащую сигарету: — Смотри.

Его рука слегка дрожала.

— Раньше я не чувствовал эту вашу элитку. Стереотипное мышление, как ты говоришь. — Коу Чэнь затянулся сигаретой. — Я думал, что ваши учителя серьёзные и упрямые, и ученики все серьёзные и ботаны... Ну не смешно ли?

Хо Жань положил руку на плечо Коу Чэня, легонько сжимая его пальцами.

— Теперь я думаю о том, если бы мой одноклассник учился здесь, в аффилированной школе, пришлось бы ему становиться на колени, чтобы защитить свой секрет? Смог бы он так же выкрикнуть его и получить аплодисменты и возгласы поддержки? — Коу Чэнь вздохнул. — Хотя забудь, эти предположения бессмысленны. У братишки оценки были не так хороши, как мои, он бы не прошёл по экзаменам в элитку.

Внезапный поворот его умозаключения вызвал смех у Хо Жана. Коу Чэнь хихикнул вместе с ним и, повернув к нему лицо, глянул на руку, которая перестала разминать его плечо:

— Массажируй давай, не отлынивай.

— Ага. — Хо Жань улыбнулся и продолжил массажировать его плечо.

Коу Чэнь больше ничего не сказал и, держа сигарету во рту, полез в телефон. Хо Жань посмотрел на его экран — он переписывался в их общем чате, заполненном цепочкой сообщений от Цзян Лэя.

Сухая травинка упала где-то рядом с шеей Коу Чэня, и Хо Жань смахнул её. Когда он провёл пальцами по коже на его шее, у него ни с того ни с сего бешено забилося сердце. Их привычные грубые контакты в виде объятий и даже нескольких чмоков никогда не вызывали у него такого чувства, но стоило ему слегка коснуться кончиками пальцев шеи Коу Чэня, и он внезапно запаниковал.

Он быстро убрал руку, достал из кармана телефон и посмотрел на время.

— Ну так что, пойдём в магазинчик?

— Угу. — Коу Чэнь поднял на него взгляд. — Всё нормально?

Хо Жань тоже посмотрел на него:

— В смысле?

— ...Ты какой-то странный.

— Я?

— Ну не я же? — Коу Чэнь цокнул и обнял его за плечи. — Пошли.

В магазинчике был только один человек, который выбирал мороженое в морозильной витрине. Коу Чэнь остановился и взглянул на него. Хо Жань проследил за его взглядом. Этот человек взял из витрины рожок и повернулся — им оказался академический бог. Увидев их, он снова открыл морозильник, взял два мороженных и передал им. Они оба растерялись. Хо Жань первым протянул руку, принимая мороженое, а следом за ним и Коу Чэнь.

Академический бог пошёл к кассе, чтобы заплатить, а на выходе из магазинчика легонько похлопал Коу Чэня по спине:

— Спасибо за недавнее.

Коу Чэнь запоздало обернулся и ответил:

— Не за что.

Но парень уже скрылся из виду.

— Как его зовут? — тихо спросил Коу Чэнь.

— Линь Уюй. — Хо Жань разорвал упаковку мороженого и с хрустом надкусил шоколадную глазурь на нём. — Щедрый Уюй — Великий квадрат, не имеющий углов*.

*□□ (1) щедрый, великодушный; 2) свободный, непринуждённый; 3) правильный квадрат) + □□ (Уюй, то есть: без (□, у) углов (□, юй) = Великий квадрат не имеет углов. Это тезис даосизма из трактата «Дао дэ цзин» Лао-цзы (Книга пути и достоинства).

Почему он не имеет углов? Я не знаю, но пишут, что □ (юй) переводится ещё и как граница, а если квадрат, как высшая форма порядка, великий, то он безграничен. А.А. Маслов в своей работе «Мистерия Дао. Мир "Дао дэ цзина"» пишет: «Великим квадратом» обычно называлось государство или земля, что при китаецентричной теории мира было одним и тем же. Даже иероглиф «государство» или «царство» (го) был заключён в прямоугольник. Всераспростёртость «великого квадрата» — государства позволяла говорить о нём как о «лишённом углов», т. е. границ

— А-а, — Коу Чэнь кивнул.

— Что «А-а»? — усмехнулся Хо Жань. — Ты хоть понял?

— «Великий квадрат не имеет углов», «Великий сосуд долгов в изготовлении*» и так далее, у моего папы в кабинете это висит. — Коу Чэнь недовольно посмотрел на него. — Ты чё, на меня свысока смотришь?

*Эти два тезиса перечислены друг за другом в 41-й главе «Дао дэ цзина»

Хо Жань кивнул:

— Да.

— Осмелишься и дальше так ко мне относиться? — Коу Чэнь не отводил от него злого взгляда.

— Больше не посмею.

Коу Чэнь развернул своё мороженое и протянул ему:

— На, обгрызай.

— Что обгрызать?

— Шоколад! Ты с такой скоростью обгрыз свой, что с тобой ни одна белка не сравнится. Тебе, наверное, не хватило?

— ...Хватило, — сразу ответил Хо Жань. — Если боишься, что мне не хватило, почему бы просто не дать мне шоколадку?

— Я тебе продавец шоколадок, что ли, чтоб каждый день их таскать... — Коу Чэнь развернулся, набрав охапку газировки, направился к кассе и мимоходом захватил плитку шоколада.

Не успели они дойти до Дворца спорта, как Хо Жань умял всю плитку шоколада. Шоколад помогал ему при эмоциональных колебаниях вернуть самообладание.

Признания на крыше сыпались с горячим энтузиазмом, а Цзян Лэй и Сюй Чжифань вернулись на крышу инвентарной. Коу Чэнь и Хо Жань раздали ребятам напитки сели на прежние места.

— Вот же блять, наконец-то мои ноги перестали трястись, — сказал Цзян Лэй.

Ху И положил руку на его ногу, чтобы проверить:

— Не, ещё остались мышечные подёргивания.

— И то неплохо, Сюй Чжифаню пришлось помогать мне спускаться. Если бы не он, я б точно скатился по лестнице.

— У тебя совсем нет выдержки! — сказал Вэй Чаожэнь. — Чел, который каминг-аутнулся, был совершенно спокоен и расслаблен, а ты даже прямым текстом не признался, а нервничаешь.

— Я, если бы каминг-аутнулся, может, и не нервничал бы. Там уже всё на кон ставишь, фиг ли нервничать-то, — проворчал Цзян Лэй и глотнул газировки.

— Тогда поднимись ещё раз и каминг-аутнись, — поддел его Сюй Чуань и пихнул локтем.

— Не пойду я. — Цзян Лэй указал на Коу Чэня и Хо Жаня: — Даже если захочу каминг-аутнуться, вот за этими в очередь придётся встать.

— Слышь, — одновременно ответили Хо Жань и Коу Чэнь.

И все семеро рассмеялись.

Мероприятие продолжалось два часа. Ближе к концу учащиеся, которые хотели продолжения, завывали от досады. Если бы не ограничение по времени, они бы так и до вечера кричали с крыши. Со временем всё больше людей набирались смелости подняться. В конце концов, не у каждого есть храбрость и уверенность в себе, поэтому требовался ободряющий авангард.

Выкрикивания с крыши в целом прошли замечательно, потому что не было никаких ограничений по содержанию и кругу лиц, которые могли высказаться. Такая свобода произвела потрясающий эффект и создала особую атмосферу, гораздо лучше, чем в школах, где такое мероприятие уже устраивали. Все учащиеся были невероятно счастливы, а в конце все присутствующие аплодировали в течение нескольких минут.

Далее по программе всем предстояло ополчиться на столовую. От того, что выкрикивания с крыши были захватывающими, и радостное возбуждение поглощало много энергии, все неслись в столовую, как с голодного края, и источали угрожающую ауру «только встань у меня на пути — урою».

Тётя у третьего окошка всё время улыбалась, щедро наполняя каждый поднос, и не встряхивала половник. Сегодня ребята выстроились в очередь к ней, а когда сели за стол, подносы перед ними были завалены едой доверху.

— Всё-таки тётушка Ли молодец, услышала то замечание и сразу же исправилась, — похвалил Коу Чэнь.

— Такое ощущение, что еда сегодня вкуснее обычного, — сказал Сюй Чуань.

— Есть такое, — согласился Сюй Чжифань. — Я только что видел, как завхоз выходила из подсобки кухни. Думается мне, специально зашла, чтобы попросить наготовить получше.

— Надо срочно пошиковать сегодняшней хавкой на всё обозрение. — Ху И достал телефон и сфотографировал все подносы. — Еда в нашей школе гораздо вкуснее той, что готовит хахальница моего отца.

Все замолкли и посмотрели на него.

— Как дела идут сейчас? — спросил Сюй Чжифань. — А то как не спрошу, ты говоришь, что всё нормально, а тут оказывается, твой отец кичится едой, приготовленной хахальницей?

— Разъехались. — Ху И не поднимал взгляда от телефона. — Мама вернулась в дом бабушки, я по выходным к ним езжу. А отец сразу зажил новой жизнью.

Ребята вздохнули — с этой проблемой они ничего не могли поделать.

— Мне теперь намного лучше. Я хотел подняться на крышу и покричать, разнести отца перед всеми, но потом подумал, что это бессмысленно. Это ж его жизнь, его отношения, толку поносить его? Потом мне захотелось разнести родителей за то, что они цапались друг с другом и не принимали во внимание мои чувства, но я опять задумался: кто определяет, что родители в такие моменты могут и должны думать о своих детях? Ну я и забил.

— Ай да морковочка, созрела, — сказал Сюй Чуань. — Это вам уже не тот Моркович, который несколько месяцев назад пронёс нож для нарезки лапши.

Ху И улыбнулся, немного смутившись.

— Где этот нож сейчас? — спросил Коу Чэнь.

— Я забрал его домой, моя мама сказала, что он добротный, — ответил Сюй Чжифань.

— Тогда на этих выхах я приду к тебе поесть лапши, — тут же сказал Цзян Лэй.

— Ладно, — кивнул Сюй Чжифань.

Столовую заполонило много народу, и многие до сих пор обсуждали выкрикивания с крыши. Пересекаясь с выступившими на крыше, они показывали им большой палец или же просто пялились. Но Линь Уюй, без всякого сомнения, был самым шокирующим и вызывающим восхищение человеком на этом мероприятии, что немало людей обсуждали его.

Хо Жань понимал, что не каждый примет сказанное Линь Уюем, но также и понимал, что даже среди молодёжи, считающей себя открытой, авангардной и толерантной, есть ярые противники меньшинств. Он предполагал, что найдутся лица, раскидывающиеся грубыми словами, но когда услышал, как какой-то второгодка за соседним столом назвал Линь Уюя извращенцем, он всё же почувствовал, как на сердце потяжелело. Но вместе с этим его охватила паника.

Секунду спустя он сразу же подумал о Коу Чэне и обернулся, чтобы увидеть его реакцию.

Коу Чэнь рывком встал.левой рукой он взял миску томатно-яичного супа Сюй Чжифаня, а правой — только что открытую охлаждённую газировку. На то, что последовало за этим, никто не успел отреагировать — он перевернул и нахлобучил миску с супом на голову парня, который обозвал Линь Уюя, этой же рукой оттянул его воротник сзади и всунул туда перевернутую бутылку, обдавая спину ледяной газировкой.

<http://bllate.org/book/14311/1267033>